

A black and white portrait of Joseph Stalin, shown from the chest up, looking slightly to the left. He has a thick mustache and is holding a dark pipe in his mouth. He is wearing a dark, high-collared jacket. The background is a light gray, and there is a red horizontal bar at the top of the image.

ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМОАРЫ

Евгений ДЖУГАШВИЛИ

Мой дед Сталин
«Он – святой!»

Запретные мемуары

Евгений Джугашвили

**Мой дед Иосиф
Сталин. «Он – святой!»**

«Яуза»

2015

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

Джугашвили Е. Я.

Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!» / Е. Я. Джугашвили — «Яуза», 2015 — (Запретные мемуары)

Единственный из восьми внуков И.В. Сталина, Евгений Джугашвили является единомышленником и духовным наследником своего великого деда. И эта книга – не просто сенсационные мемуары, проливающие свет на кремлевские секреты и семейные тайны. Это – дань вечной памяти Вождя и его победной эпохи. Почему внук впервые увидел деда на трибуне Мавзолея, а второй раз – уже в гробу? Знаете ли вы, что после смерти Сталина на его сберегательной книжке нашли всего 30 тысяч рублей (для сравнения, самый дешевый автомобиль тогда стоил 8000)? Почему автор убежден, что его отец Яков Джугашвили не сдался в плен, а погиб в бою? Правда ли, что Жуков виноват в катастрофе 1941 года и как главный заговорщик «достойн расстрела»? Как «украинская мафия» во главе с Хрущевым убила Берию, а «проклятая каста» оклеветала Вождя? К кому были обращены пророческие слова Сталина: «Я знаю, что после смерти не один ушат грязи будет вылит на мою голову, но ветер истории всё это развеет»? Как отправили в отставку маршала Рокоссовского, бросившего в лицо Хрущеву в разгар антисталинской кампании: «Иосиф Виссарионович для меня святой!» И в чем главная ложь Путина? Эта бесстрашная книга не боится отвечать на самые запретные и опасные вопросы.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос)

© Джугашвили Е. Я., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Предисловие Ю. Мухина	7
Часть I	11
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Яковлевич Джугашвили
Мой дед Иосиф Сталин. «Он – святой!»

© Джугашвили Е.Я., 2015

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Предисловие Ю. Мухина

Я помогал (технически) Евгению Яковлевичу Джугашвили с этой книгой. Поскольку я почти 15 лет был главным редактором газеты и выправил огромное количество рукописей, то, разумеется, меня тянуло как-то улучшить и рукопись Евгения Яковлевича Джугашвили. Тем более тянуло, что мы с ним, как вы это увидите, являемся товарищами по борьбе, особенно тянуло улучшить в главах, касающихся его видения политических вопросов. Однако удержало меня следующее.

Из всех семи внуков И.В. Сталина, Е. Джугашвили единственный его полноценный внук, поскольку он не только единственный из внуков единомышленник Сталина, но и бескомпромиссно борется за сталинские идеалы. К примеру.

«3 апреля 2013 г. в 22:00 внук Сталина Евгений Джугашвили обнаружил, что входная дверь в его квартиру взломана неизвестными лицами. На полу в гостиной были беспорядочно разбросаны распотрошенные картонные папки с материалами архива семьи Джугашвили. Часть документов исчезла. Из квартиры был также похищен рабочий компьютер. Другая электронная техника, а также деньги и ценные вещи, находившиеся в квартире, похищены не были. Очевидно, что целью взломщиков являлась информация, хранившаяся в памяти компьютера, и отдельные архивные документы. Эксперты «Правды о Катюши» связывают взлом квартиры, похищение рабочего компьютера и архивных документов Джугашвили с его активной деятельностью по защите чести и достоинства И. В. Сталина. В первую очередь – с предпринятой 26 марта 2013 г. попыткой возбудить в ОВД «Ховрино» уголовное дело за клевету о мнимой причастности Сталина к Катюшскому расстрелу», – сообщил Интернет и некоторые СМИ. От себя добавлю, что не были похищены хранившиеся в столе 10 тысяч рублей и стоявшие на видном месте бутылка водки и бутылка коньяка. Видать приказ такой был от начальства – ценности и спиртное не трогать!

Надо сказать, НТВ, на удивление, и не сильно ерничило, но, тем не менее, не удержалось съехидничать, что у внука Сталина украли и дрель.

И мне вспомнился такой момент. Последние годы меня вызывали в ФСБ очень часто, а допросы и опросы велись в кабинетах на два, а то и на три сотрудника. И пару раз было, что напарники следователя в это время уже сшивали очередное сфабрикованное дело в тома. А каждый том был листов в 250, проколоть такую пачку шилом не реально, и они, бедные ходили по другим отделам и искали дрель, чтобы насверлить в пачках бумаги отверстия под шнур. Судя по всему, у них на все управление одна дрель.

И вот у внука Сталина вместе с компьютером и документами пропала дрель... Надо же! Деньги и выпивку, лежавшие практически на виду, не взяли, а дрель в глубине шкафа нашли. И кто бы это мог быть?? Преступников, понятное дело, милиция не нашла. Вы сильно удивлены тем, что не нашла?

Так, что в том, что Е.Я. Джугашвили это внук Сталина, сомневаться не приходится.

Поэтому сами по себе взгляды внука Сталина, и даже то, на что именно Евгений Джугашвили обращал и обратил внимание и решил описать в своих воспоминаниях, что именно запомнил, уже является историческим фактом. И я не осмелился эти факты корректировать.

Ведь интересно же предположить, каким бы мог быть Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) и как бы он прожил жизнь, если бы водовороты жизни не заставили его стать вождем народа. (Подчеркну – не он жаждал стать вождем, а его заставили стать вождем: до 1927 года Сталин трижды отказывался от этого бремени, но подчинился требованию товарищей (особенно настойчиво Сталин отказывался от должности вождя на пленуме 1927 года). И Сталин стал вождем. **ВЕЛИКИМ ВОЖДЕМ**, и под руководством великого вождя и народ был **ВЕЛИКИМ**. «Каков поп, таков и приход».

Я не буду рассказывать, о чем книга, – сами прочтете. Но я прочитал и просмотрел довольно много мемуаров различных деятелей, в том числе, и небольшого масштаба (для «вельмож в случае» мемуары пишут другие люди, да и вельможи не просто вспоминают, а оправдываются и сильно лгут, чтобы представить себя в выгодном свете). Мемуаристы помельче занимаются тем же самым, однако и лгут помельче – обыденно, и вспоминают, главным образом о том, как они были близки к великим персонам своего времени, и как «кучеряво» жили – как сладко ели и пользовались благами, недоступными простым смертным. Или наоборот – как страдали от того, что их обижали великие персоны, и они не могли сладко есть. Поэтому я напишу о нескольких общих моментах, который читатель может и упустить.

Евгений Джугашвили, безусловно, встречался со многими властными персонами своего времени, но, как вы увидите, счел необходимым вспомнить только двух – одного потому, что тот не предал Сталина, а другого потому, что предал. Но, зато, с какой любовью он вспоминает своих друзей и вспоминает потому, что они его друзья! И хотя, казалось бы, с его друзьями ничего особенного и не происходило по сравнению с жизнью сотен миллионов остальных граждан СССР, но как не вспомнить друзей?

Грузинская специфика заставила Евгения Яковлевича написать про множество застолий, но обратите внимание, что он очень редко описывает, что именно ел, – это для внука Сталина не главное. К примеру, он описывает марки, способы приготовления, районы происхождения многих грузинских вин, но вы так и не узнаете, какое вино именно ему нравилось, да и было ли такое. Интересно, что единственный раз, когда он обращает внимание на вкус еды, он рекомендует читателям хаши – самое дешевое блюдо, которое только можно придумать. Такое положение должно быть достаточно обидным для принимавших его в то время хозяев – ведь они старались приготовить вкусно и хотели его порадовать. Да вкусно ему было, очень вкусно, просто внуку Сталина запомнился сам факт общения с друзьями и хорошими людьми, а не еда. Он сел за стол с друзьями не для того, чтобы есть.

Историк А.Н. Шефов, работавший на ближней даче Сталина в 1955 году, среди документов обнаружил и меню последнего ужина в жизни Сталина – за 28 февраля 1953 года. Сталин заказал себе «паровые картофельные котлеты, фрукты, сок и протоквашу» Да, дед Евгения Джугашвили тоже ел, чтобы жить, а не жил, чтобы есть.

Теперь немного о грузинской специфике воспоминаний Евгения Джугашвили.

Разделение людей по национальности имеет место быть, однако мой опыт показывает, что глупо оценивать людей исходя из этой их особенности. Есть люди, и есть человекообразные животные. То есть, есть хорошие люди и плохие. И это в людях главное, а не их национальность. Среди моих друзей, близких и не очень, были и немцы, и евреи, и казахи, и ингуши, а вот грузин не было – так уж получилось. Даже за нормальным столом с ними не сидел. Может поэтому запомнился единственный случай застолья с грузином.

Где-то году в 1987 наше министерство распорядилось провести совещание заместителей директоров по коммерческой части и транспорту. Собрались мы, заместители директоров десяти ферросплавных предприятий Союза, на Челябинском электрометаллургическом комбинате. После совещания, принимавший нас коллега (замдиректора комбината) повез всех в лес на базу отдыха комбината в баню. Мы парились, голые качались в сугробах – была зима и компания была сугубо мужская. Потом, само собой, была выпивка и обычный разговор подвыпивших мужиков. Разумеется, говорили в основном старшие по возрасту, мне было 38, но я не был самым младшим, поскольку единственному среди нас грузину – заму по коммерческой части директора Зестафонского завода ферросплавов – было едва за 30, так, что мы с ним, в основном, слушали. И вот как-то вскользь старшие упомянули об отцах, и грузин, наконец, встрял в разговор со своим рассказом о свежем событии:

«В Москве закрутился в министерстве – то того нет на месте, то этого нет (ну, вы это знаете) – на поезд в Челябинск опаздывал и ничего не успел купить поесть. В купе нас было

трое – кроме меня такой простой старик и интеллигент в очках. Поезд тронулся, интеллигент отвернулся к окну, достал бутерброды и начал кушать. Старик посмотрел-посмотрел, открывает сумку, кладет на стол хлеб, сало, соленые огурцы – ну все простое такое – и говорит: «Утощайтесь, сынки!». Я, конечно, достаю бутылку коньяка (не все в министерстве роздал), а интеллигент говорит: «Яне хочу кушать!». Я возмущился: «Как ты можешь обижать человека отказом?! Он тебе хлеб предлагает!» Ну, интеллигент тоже присоединился, я налил в стаканы и говорю: «Давайте выпьем за наших отцов». Выпили, а интеллигент говорит: «А я вот не думаю, чтобы мой сын за меня в поезде с незнакомыми людьми пил». А я его спрашиваю: «А ты сколько раз в поезде с незнакомыми людьми пил за своего отца?»

Удивительная простота этой грузинской мысли, при очевидной ее глубине, меня тогда поразила настолько, что я ее запомнил навсегда. Надо бы на этом и кончить этот рассказ, но прошло несколько лет, началась перестройка, прошли события в Тбилиси и я в министерстве встретил этого своего грузинского коллегу. И было его уже не узнать – ненависть к СССР: «Оккупанты!», – глаза горят: «Свободы! Свободы!!». М-да...

И вы прочтете в воспоминаниях Евгения Яковлевича много хорошего о грузинском радушии и гостеприимстве. Разумеется, сияние славы деда ему сопутствовало там, где Сталина уважали, но, должен сказать, его рассказы мало чем отличаются от рассказов моей жены и ее подруги, которые с детьми ездили отдыхать в Грузию по приглашению их знакомого по работе грузина. Много есть у грузин симпатичных качеств, хотя есть и такие, над которыми и сами грузины смеются, и такие, которые и им самим не нравятся. Как и нам, русским, не нравятся некоторые наши качества.

Теперь о сиянии славы деда над Евгением Яковлевичем.

Сталин при жизни старался с внуками не общаться и у него, думаю, были на это веские резоны. Однако Сталин за внуками следил. Евгений Яковлевич не упоминает в книге, но мне он рассказал, что после войны его, юного суворовца, внезапно вызвали из класса в кабинет начальника суворовского училища и там приехавший из Москвы генерал подробно расспросил его о быте и учебе. Никаких последствий в его жизни это не вызвало, но факт остается фактом.

Разумеется, слава деда время от времени помогала Евгению Яковлевичу в кое-каких бытовых делах, и он об этом пишет. Но я был у него на квартире в Москве в обычном спальном районе – знаете, дело даже не в том, что скромно по части комнат, мебели и нет дорогих украшений, оно и ремонт не мешало бы сделать. Лет 20 назад. Книг много, а остального барахла ни внуку Сталина, ни его семье, судя по всему, было просто не надо. Как и его деду.

Еще момент, который, надо думать, вы заметите. Ведь Евгений Джугашвили было всего 20, когда началась оголтелая кампания клеветы на его деда. Другие внуки не выдержали и поменяли фамилии, сменил фамилию и Серго Берия, хотя уже был прославленным конструктором. А Яков Джугашвили фамилию не менял. Можно представить, сколько косых взглядов «шестидерастов» скрещивалось на нем, сколько он услышал о деде за спиной и в глаза! А есть ли в воспоминаниях хоть одна жалоба на это? Да и вообще, хотя бы на что-нибудь, что касалось бы его лично?

Даже когда начальство, всего лишь ради того, чтобы избавить себя от ответов на тупые доносы идиотов, лишило его перспектив получить звание генерала, он и тогда пишет: «Обид на начальство держать не могу». А почему? Такой он человек – умеющий держать удары судьбы и благодарный всем окружавшим его хорошим людям за то, что они были и есть. И, кстати, описав эту обиду от начальства, тут же радуется, что его друг, все же, стал генералом.

А ведь такое же добродушие было и у его деда, которого со времен Хрущева рисуют кровожадным вурдалаком. Да, обязанности вождя и тяжелейшая обстановка часто требовали от Сталина принимать жесткие решения, но как человек, Сталин не был ни мстителем, ни кровожаден, особенно в сравнении с другими вождями партии и СССР. Такие вот примеры.

Летом 1928 года в Москве два месяца судили 53 инженера-вредителя Донбасса, которые брали «откаты» с Запада и тормозили увеличение добычи угля «Шахтинское дело»). Четверых оправдали, а 11 человек были приговорены к расстрелу. Сталин настаивал на Политбюро помиловать их всех, но его предложение не прошло, и член Политбюро Бухарин впоследствии хвастался, что это ему, несгибаемому большевику, удалось уговорить остальных членов Политбюро согласиться на расстрел инженеров Донбасса, вопреки мнению слюнтяя Сталина.

Прошло 9 лет, и во время февральско-мартовского Пленума Центрального Комитета ВКП(б) 1937 года для выработки проекта постановления по делу предавших народ и партию членов ЦК Бухарина и Рыкова была создана специальная комиссия, председателем которой стал Микоян, а членами 34 человека, включая и Сталина, как рядового члена этой комиссии. Выслушали доклад о преступлениях Бухарина и Рыкова, и начали голосовать.

Из протокола комиссии следует, что первым выступил Ежов и предложил предать Бухарина и Рыкова суду с применением расстрела, если на суде выяснится, что они виновны. Затем Постышев предложил исключить их из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК ВКП(б) и предать суду, но без применения расстрела. Затем Буденный потребовал суда и расстрела. И вот тут выступил Сталин и предложил исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК ВКП(б), суду не передавать, а всего лишь выслать из Москвы. Интересно, что его поддержали только Ульянова, Крупская, Варейкис, Молотов и Ворошилов. Зато Мануильский, Шверник, Косарев и Якир упорно продолжали настаивать на суде с расстрелом, и Постышев, Шкирятов, Антипов, Хрущев, Николаева, Косиор, Петровский и Литвинов тоже требовали суда, хотя и без расстрела. В результате предложение Сталина не прошло, а прошло компромиссное предложение суду пока не предавать, направить дела Бухарина и Рыкова НКВД для дальнейшего расследования.

Закончу на этом.

Конечно, предположение, что Сталин, отказавшись быть вождем народа, остался бы тем, кого мы считаем простым человеком, само по себе глупое. Не буду отрицать – глупое!

Но ведь интересно.

Часть I Взгляд на людей

Глава 1 О себе

Знакомство родителей

Город Урюпинск – бывшая станица донского казачества, расположен на левом берегу реки Хопер Сталинградской области (сегодня Волгоградской). На Майской улице под номером 27 стоял дом. Он выделялся своим мезонином – надстройкой. Говорили, что до революции в нем жил богатый купец. После революции в доме поселились три семьи: Гольшевы, Аллилуевы и Лапаевы. Семью Гольшевых возглавлял рабочий металлургического завода Павел Антонович со своей женой Екатериной Алексеевной. П.А. Гольшев – русский, приехал из Воронежа. Екатерина потомственная казачка с девичьей фамилией Лукьяновская. Они имели четырех дочерей: Александру, Надежду, Ольгу и Веру. В другой части дома проживала семья Аллилуевых – родственников жены И.В. Сталина Надежды Сергеевны. Семью Аллилуевых представлял Михаил Яковлевич и его жена Матрена Федоровна. У них было пятеро детей: Клавдия, Георгий, Александра, Нина и Серафима. Нина жила с родителями и растила двух дочерей Августу и Конкордию.

После окончания школы Ольга Гольшева, 1909 года, и ее подруга по дому Августа Аллилуева, 1911 года рождения, поехали в Москву учиться. Ольга поступила в Московский авиационный техникум, а Августа уехала к своим родственникам в Ленинград, где поступила в институт. Ольга Гольшева стала жить в Москве у своей тети – сестры мамы – Лукьяновской Агафьи Алексеевны на Большой Полянке, дом № 54. Августа приезжала в Москву и гостила на квартире своих родственников, где бывал Яша Джугашвили. В обществе подруг и оказался сын Сталина.

Судьба

До знакомства с Ольгой Гольшевой у Якова с отцом произошел острый конфликт. История состоит в том, что Сталин забрал своего сына из Грузии в Москву только в 1921 году в возрасте 14 лет. Все время Яша проживал с родителями умершей в 1907 году мамы – Екатерины Сванидзе. Семья жила в селении Баджи Амбролаурского района – высокогорный район Грузии под названием «Рача». В школе Яша испытывал трудности с русским языком, учился неважно, что раздражало отца. После окончания школы Яша вдруг заявил, что он и одноклассница Зоя Матвиенко решили пожениться.

«Отец, – пишет С. Аллилуева в книге «Двадцать писем другу», – не желал слышать о браке. На кухне произошел грубый разговор отца с Яшей. Ночью в своей комнате Яша предпринял попытку застрелиться. Он стрелял в сердце. Пуля прошла навылет, но он остался жив, хотя долго болел. Отец стал относиться к нему за это еще хуже» (Аллилуева С.И. «Двадцать писем к другу!». М., Совместное предприятие «Внешиберика», с. 97, 148–154). После лечения Яша все-таки женился на Зое, и они уехали в Ленинград к деду Сергею Яковлевичу Аллилуеву. Там Яков устроился работать на теплоэлектростанции (ТЭЦ) техником-смотрителем. Вскоре родилась дочь и внезапно умерла. Брак распался. Яков возвращается к отцу и поступает в Московский институт инженеров транспорта (МНИТ).

Возможно, мама слышала об этой истории, ибо, когда она забеременела, то решила сделать аборт, поскольку не рассчитывала на серьезные отношения с Яковым. Младшая ее сестра Вера Павловна отговорила ее, и Ольга поехала в Урюпинск к маме. Моя тетя Вера при случае иногда нет-нет да и скажет мне, что благодаря ей я появился на свет. Родился я 12 января 1936 года. Мама записала меня на свою фамилию – Гольшев Женя. Ее отец, Павел Антонович – воронежский рабочий высказался по этому поводу: «Гольшев тоже неплохая фамилия». Не сообщить грузину Якову, который, как все мужчины, мечтал о сыне, Ольга не могла. Яков приезжает в Урюпинск, в ЗАГСе меняет мою фамилию на свою и начинает высылать небольшие деньги. То, что мама получала переводы из Москвы, не отрицает даже моя сестра Галина, о чем я скажу несколько позже.

Ю.И. Мельцер

Однако молодость есть молодость, и она берет свое. А» красота, – говорила Ф. Раневская в фильме «Весна», – это страшная сила». Яков Джугашвили встретил в секретариате одного чиновника прехорошенькую Юлию Бессараб и влюбился. Юля (Юдифь Мельцер) со своим семейством проживала в Одессе. В Москве она оказалась после очередного замужества за чиновником Н.П. Бессарабом, работавшим в системе Министерства внутренних дел (МВД).

Галина в книге «Тайна семьи вождя» рассказывает, что ее мама в Одессе работала танцовщицей кабаре. Она пишет: «Ма (так она называла свою маму) после первого замужества сбежала из дома и начала «балетную жизнь»... (Джугашвили Г.Я. Тайна семьи вождя. Издат. «Зебра», 2007. С. 34–39).

«Ее приняли в одну из групп «левого течения». Группа летала по всей Украине. Жизнь на колесах с остановками в бывших особняках, переделанных в общежития, жизнь молодая, свободная от ига борьбы с начальством и забот о конъюнктуре, полная того, что сейчас называют «творческим подъемом» и веселой работой, взрывалась криками «бис», сияла огнями рампы... Зал гудел, Ма вылетала на сцену в, по современному говоря, мини, усыпанном зеркальными осколками (в них били разноцветные лучи прожекторов), одна нога в черном чулке, другая – без. Дашь Европу!» Однако знакомство своих родителей Галина описывает в романтической обстановке. В своей книге она пишет: «Знаменитое событие, без которого я не могла бы появиться на свет, произошло вскоре после переезда Бессараба и Ма в Москву». Она была в Большом театре с Анной Сергеевной Аллилуевой и обратила внимание на молодого человека, с которым та поздоровалась: «Ой, какой интересный молодой человек, – сказала Ма Анне Сергеевне, – познакомь же меня с ним». Знакомство состоялось и, как она пишет, «папа выкинул белый флаг». Другими словами Яша моментально влюбился и Юля, бросив мужа Бессараба, вышла замуж за сына Сталина. Далее забавно она описывает встречу молодых с И.В. Сталиным. «Когда поехали в Зубалово знакомиться с дедом, Ма была совершенно спокойна... Ма оказалась права. Все прошло отлично. «Старик» без конца шутил, кормил Ма с вилки, и первый тост поднял в ее честь»...

Прервусь и задам вопрос, который я задал Светлане Аллилуевой после ее возвращения из-за рубежа: «Видел ли вообще Сталин новую жену своего опального сына?» Дело в том, что Ю.Г. Мурин в книге «Иосиф Сталин в объятиях семьи» поместил записи дневника жены Алеши Сванидзе – М.А. Сванидзе: «28-го были «тетушки» в Кремле на рождении Светочки... Впервые был Яша с женой. «И» (сокращенное имя «Иосиф») не пришел, по-моему, умышленно. Он отодвигал это удовольствие познакомиться с новой невесткой. И впрямь радости мало. Она хорошенькая, старше Яши, он у нее 5-й муж, не считая иных прочих, разведенная особа, неумная, малокультурная, поймала Яшу... и к тому же Юля – какая-то авантюристка». (Сборник документов «Иосиф Сталин в объятиях семьи». Сост. Мурин. М., Родина, 1993 г.). «Да, – ответила Светлана Иосифовна, – была одна встреча, и то по просьбе самого Яши. Юля была в положении, и она сложенной газетой прикрывала живот».

Анализ ДНК

Теперь о денежных переводах. Как утверждает Галина, деньги в Урюпинск отправляла ее мать. В «Аргументах и фактах» № 44, 1999 г. она говорила журналисту: «Мама мне рассказала, что когда она узнала, что ребенок от папы, то очень опасалась, что эта история дойдет до свекра, и решила этой женщине помочь. Она стала посылать ей деньги на ребенка... Вероятно, эти почтовые переводы от мамы и были расценены ЗАГСом как алименты. Так Евгений и получил нашу фамилию». На возражение журналиста, что в эту историю трудно поверить. Она заявила: «Я ничего не берусь утверждать, но наше родство очень просто можно подтвердить или опровергнуть. Достаточно сдать анализ на ДНК. Но, думаю, вряд ли Евгений на это согласится».

А я согласился и в той же газете буквально в следующем номере № 47, 1999 г. (специально приехал в редакцию) было опубликовано мое заявление. В нем я написал, что моя сестра Галина Джугашвили настаивает на протяжении многих лет провести анализ моего ДНК. Так как она является заинтересованной стороной, то она и должна организовать и оплатить эту процедуру. Мне лично этот анализ не нужен. Прошла неделя, другая, месяц, второй и так далее, но заинтересованная сторона потеряла видимо всякий интерес и хранила молчание.

Когда мне исполнилось два года, мама повезла меня в Москву показать Якову. По телефону она попала на его жену Юлию Исааковну, которая предложила отдать сына. Светлана Аллилуева подтверждает: «Да, был такой разговор». Мама испугалась, что меня могут пере-

дать в приют под другой фамилией и срочно увезла меня обратно в Урюпинск. А на горизонте маячила война.

Детство

Самые первые детские воспоминания касаются военного времени. Вначале на войну ушел дядя Гордей – муж тети Нади. Гордей Андреевич Литвинов был председателем Урюпинского ОСОАВИАХИМА (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Затем на фронт ушла и мама. В доме остались бабушка Екатерина Алексеевна, ее дочь Надежда с сыном Виталием и я.

Хорошо помню проходящие ночью танки. Земля тряслась под ногами. Глубокую колею в снегу освещали их фары. Иногда в ночном небе был слышен гул моторов самолетов. По утрам тетя Надя включала черный круглый репродуктор, из которого исходили строгие слова: «От советского Информбюро. После упорных и ожесточенных боев наши войска оставили...» Далее тетя Надя выключала радио и с глубоким вздохом уходила что-то готовить.

Летом мой день начинался как всегда с приходом моего друга по дому Жени Лапаева, по прозвищу «башкир». Я слышал, как он громко спрашивал тетю Надю: «Таток дома?» – «Куда так, ни свет, ни заря, – ворчала та, подметая, как обычно, по утрам крыльцо, – спит еще твой Таток». Меня Татой прозвала мама, потому что, играя в войну, я «строчил из пулемета»: та-та-та. Пока я спал, тетя Надя успевала сходить на базар и сунуть мне под подушку фрукты – яблоки, сливы, и это при том, что у нас, у жильцов этого дома, был свой собственный фруктовый сад. Так, например, у Лапаевых (у башкира) были две яблони, у Аллилуевых одно грушевое дерево. Было, правда, и второе дерево, но оно было очень молодое и не плодоносило. У нас, на территории нашего сада, сохранилось три груши и одна небольшая китайская яблоня. Какой-никакой, а все-таки свой сад. У некоторых вообще ничего не было. Двор был разделен на три огородных участка, где и росли эти деревья.

Окна квартиры Аллилуевых выходили прямо на территорию своего огорода, где росли их две груши. Матрена Федоровна (Федриха) постоянно сидела у окна, как на посту, и зорко охраняла территорию: «Мышь не проскочит!» Наши окна выходили на улицу и в переулок. Поэтому с охраной нам приходилось сложнее, нет-нет, да и залезет кто-нибудь на наши груши.

На реке Хопер

Река протекала в полутора километрах от дома. Дорога к Хопру проходила вдоль огородов, окаймленных около дороги высокой кукурузой с подсолнухами. Проходя мимо кукурузы, гонялись за саранчой и ловили ее уже внутри участков, засаженных картошкой. Издали виднелся дубовый лес на противоположном берегу Хопера.

Пляж из белого песка открывался сразу после небольших холмов, поросших кустарником. Плавать меня научил двоюродный старший брат Виталий. Но переплывать Хопер самостоятельно я боялся. Тетя Надя каждый раз предупреждала: «Женя, не заплывай далеко, Хопер наквасишь!» Виталек (так я его называл) помог – он плыл рядом, а я махал руками, пока не стукнулся головой о крутой илистый берег. На этом берегу были свои развлечения. Пацаны, например, выламывали в лесу палки, из ила делали колбаску на конце, и с размаху насадка со свистом летела на пляж. Глухо ударяясь в песок, она превращалась в черную лепешку. Обстрел велся по принципу «на кого Бог пошлет».

Виталий приобщил меня к рыбалке. Готовились накануне: проверяли снасти, червей копали у соседей, имевших корову. Ключи от лодки и весла также брали у соседей. Уходили утром рань. Виталий нес весла, я – удочки. В заливе Быково (рукав реки Хопер) находились лодки, прикованные к огромному лежащему бревну. Когда лодка в полной тишине пробира-

лась по заросшей протоке, было слышно, как по дну лодки скрежетала трава. Но с выходом ее на чистую воду скрежет прекращался и тишину нарушал только скрип уключин. Из Быковского залива через узкий пролив мы попадали на «большую» воду Хопра.

По моему желанию Виталлий высаживал меня на берег, а сам на лодке искал подходящее место на середине реки. Бросал якорь (камень на веревке), закуривал и начинал ловить. Тишину нарушал плеск пойманной рыбы. В это время я тоже ловил удочкой, но стоя по колено в воде. Изредка переговариваясь с Виталиком, я медленно переходил от куста к новой заводи. Мой улов не шел ни в какое сравнение с уловом брата. Но зато, с каким восторгом я подсекал хотя бы тех же полосатых окуньков или пескарей.

В районе Урюпинска Хопер делает несколько поворотов. С внешней стороны изгиба он имеет высокий илистый обрывистый берег. С внутренней, наоборот, пологий с белым песком. По мере удаления от города по реке рыбаки пользовались понятиями «первые пески», «вторые пески». Наш пляж с белым песком был безымянный. А вот где мы ловили рыбу, выйдя из Быковского залива, то это было в районе первых песков. Здесь, вдали от города, в крутом берегу гнездилась целая колония стрижей или ласточек в своих многочисленных норках.

Ближе к вечеру бабушка часто вырывала меня из компании моих товарищей, и мы шли на дальний огород в Быково. Там была заливная земля. Внизу у самой воды она растила помидоры, а повыше был посажен картофель, еще выше – кукуруза. По всему участку в разных местах стояли, наклоняясь, подсолнухи. Ведром я таскал воду из залива, а она поливала и все нахваливала меня: «Вот какой ты у меня молодец! Сама-то я не справилась бы!» В ответ я старался еще больше. Мне не забыть запах той ботвы помидоров, ласковое прикосновение ростков кукурузы. Шершавые листья подсолнухов. Полив помидоры, бабушка кое-где подливала воды в других местах. К вечеру уставшие мы возвращались домой. Солнце уже село за «Меловые горы». Поднимая пыль, возвращалось стадо. Пахло молоком, хотелось спать.

Вот так встреча!

Урюпинские пацаны, которые жили на нашей улице, летом особенно после дождя, катали по лужам обручи от колес грузовых машин. Мастерские по обслуживанию транспорта назывались «автоколоннами» и располагались поблизости. Использовались и диски меньшего размера с зубчиками внутри. Из железного прута изготовлялся поводок с фигурной выемкой на конце, с помощью которого можно было управлять движением колеса. Катание обручей и дисков сопровождалось пронзительным звоном колес и криками пацанов: «Поберегись, Петлюра!»

В конце зимы 1942 года я простудился и схватил воспаление легких. Несколько дней, говорят, не спадала температура 41. Я помню только как Виталек, согнувшись над градусником, плакал, а тетя Надя мыла полы. Готовились к самому худшему. На фронт была послана телеграмма. Но мама лежала в госпитале после ранения. Только после выздоровления, летом она получила краткосрочный отпуск. «С замиранием сердца, – рассказывала она, – я сошла с поезда и пошла в сторону нашей улицы. Страшные мысли не выходили из головы, поскольку от Надежды не было никаких сообщений». Нетерпение заставило маму спрашивать у прохожих на Майской улице. Первая женщина сказала, что ничего о похоронах мальчика не слышала. Вторая быстро отошла в сторону. «Если умер, – думала мама, – разрою и погляжу». Вдруг она услышала шум и крики детей, катавших по улице свои обручи. Среди них она увидела меня... Через несколько дней она вновь уехала на фронт. Мама была старшиной медицинской службы.

Суворовское военное училище

21 августа 1943 года Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет партии постановил создать Суворовские и Нахимовские военные училища. Суворовских училищ было

создано девять. В каждом училище находилось 500 воспитанников. В постановлении говорилось: «Для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов». Перед училищами ставилась задача подготовить мальчиков к военной службе в офицерском звании. Это постановление спасло многих беспризорных детей, отцы которых погибли на фронте (Журнал «Огонек» № 36, сентябрь 1983 г.).

Летом 1945 года с фронта вернулась мама и забрала меня в Москву. Из Урюпинска до пересадочной станции Алексиково ехали на знаменитом в тех местах паровозе. За тихий ход и остановки в степи его прозвали «колдуном». Остановится и стоит – колдует ехать или стоять. Потом как дернется без всякого предупреждения. Приходилось все 2–3 часа (30-тикилометровый отрезок пути) держать свои вещи и всю дорогу быть начеку. В Москве стали жить у сестры бабушки – Лукьяновской Агафьи Алексеевны на улице Большая Полянка. Мама поступила на работу в штаб ВВС МВО инкассатором. Я продолжил учебу в средней школе № 557. После третьего класса мама приняла решение отдать меня в Суворовское Военное Училище.

Ближайшее Суворовское училище находилось в городе Калинин (сейчас Тверь). В училище, когда оформление закончили, офицер-воспитатель повел меня к моим новым товарищам. Покидая комнату, где сидела мама, я увидел, как она заплакала. Больше в этот день я ее не видел. В 10 лет началась новая жизнь – военная.

Набор 1947 года оказался небольшим, всего человек 40. Среди нас оказались дети из Югославии. Однако они вскоре уехали на свою Родину. Суворовец имел летнюю и зимнюю форму одежды, трехразовое питание, по пятницам баня и замена постельного белья. Полная школьная программа, изучение иностранного языка, обучение бальным танцам. Работали всевозможные кружки, спортивные секции, поощрялась художественная самодеятельность. Училище имело свою конюшню, тир и стадион. Полагался бесплатный железнодорожный билет во время отпуска на каникулы. В отличие от других училищ Калининское и Тульское участвовали в парадах на Красной площади в Москве.

К зимним каникулам начинали готовиться заранее. «Чемоданное настроение» захватывало нас недели за две до отъезда. В Москве мама приобщал меня в основном к Большому театру. За годы учебы в училище я ознакомился практически со всем репертуаром театра. Балет мне нравился больше чем опера.

Капитан Абоносимов

Офицером-воспитателем нашего отделения длительное время был капитан А. Абоносимов. Не имея семьи, он подолгу оставался в училище, иногда даже после отбоя. Наши, часто рискованные, проделки доставляли ему массу хлопот и переживаний.

Например, когда весной вскрывалась Волга, мы были на берегу и прыгали по льдинам. Летом напротив стадиона останавливался караван связанных бревен, готовых к лесосплаву. Как не побегать по этим бревнам. Да мало ли где мы могли свернуть себе шею. А отвечать обязан офицер-воспитатель. Боролся Абоносимов и с самоволками.

Однажды в городе он заметил Ивана Климовича в гражданской одежде – самоволка! Тот развернулся и дал деру, но и капитан Абоносимов прибавил шагу. Климович вскочил в проходящий мимо трамвай и на его подножке скрылся. В училище он быстро переоделся и сел в классе. Прямо с порога дверей преследователь заявил: «Климович, Вы были в самоволке, я видел Вас!» – «Никак нет, товарищ капитан, – бодро ответил Климович, – Вы ошиблись». После длительного препирательства, уже смущенный воспитатель нагнулся к наглецу и товарищеским тоном почти шепотом тихо спросил: «Ваня, это же был ты?» Размякший после такого обращения Климович тихо ответил: «Так точно, товарищ капитан». Абоносимов тут

же резко выпрямился и командирским голосом громко скомандовал: «Трое суток ареста! За самовольный уход из расположения части».

В сентябре 1983 года журнал «Огонек» к 40-летию создания суворовских и нахимовских училищ провел «круглый стол», я был приглашен и тоже выступил. Журналист Борис Сопельняк в 36-м номере «Огонька» поместил и мое выступление. Я говорил о моем воспитателе капитане Абоносимове. В это время Анатолий Александрович проживал в Пензе и там ему показали журнал. Он прислал мне трогательное письмо и благодарность за добрую память о нем. Жил он опять один. Но вскоре умер. У меня осталась книга «Краткая биография Сталина», которую он вручил мне в училище перед уходом. «Воспитаннику Джугашвили Евгению. Прочитай эту книгу о гениальном человеке всех времен и будь похож во всем на него. Капитан А. Абоносимов, г. Калинин, 22 апреля 1949 года».

Спасибо за все, дорогой Анатолий Александрович.

На Красной Площади

В 1952 году я был включен в состав батальона «парадного расчета». Радость оказалась преждевременной. Дело в том, что из-за моего роста в 1 м 68 см мое место оказалось в последней, десятой шеренге, а в самой шеренге я был по счету 20-м, замыкающим. Мне казалось, что более позорного места не бывает. Сама 10-я шеренга страдала больше всех. Так, на тренировках руководитель по микрофону с трибуны в конце занятий говорил: «Первые 9 шеренг отдыхают, а десятая пройдет еще разок!» Только после 2–3-х проходов с трибуны слышалось: «Вот теперь другое дело!» На завтрак ежедневно нам выдавали по плитке шоколада. На Красной площади метров за 100 до Мавзолея раздавалась команда «Раз!» и через шаг все хором: «И два!» Все головы кроме правофланговых поворачиваются направо. В этот момент руки хватают соседа. Правой рукой хватаю соседа справа, а левая остается прижатой к бедру или как говорится «по швам». Когда батальон поравнялся с Мавзолеем, я увидел Сталина. Таким образом, деда своего я впервые увидел на трибуне Мавзолея во время парада в мае 1952 года.

Смерть И.В. Сталина

6 марта 1953 года в училище утром, как обычно, горнист на первом этаже сыграл команду «Подъем» Встали, оделись, вышли в коридор, кое-как построились. Дежурный офицер (помоему, это был майор Токарев) скомандовал: «Напра-во!» Однако тут же громко сказал: «Отставить!» «Опять что-то забыл», – подумали мы. «Товарищи воспитанники, – начал он тихим волнующим голосом, – вчера, 5-го марта, – как только прозвучали эти слова, наступила абсолютная тишина, – в 9 часов пятьдесят минут вечера скончался Иосиф Виссарионович Сталин». А абсолютной тишине он тихо, почти шепотом скомандовал: «Направо, шагом марш». Когда спускались по лестнице, у меня непрерывно катились слезы. Конечно, никто на зарядке ничего не делал. Просто постояли на морозе минут десять и вернулись.

После завтрака все училище собралось в клубе. Занятия были отменены, разговоры велись вполголоса. Все понимали, что произошло невероятное событие. Собрались в клубе. На сцену вышли Начальник училища генерал-майор Нерченко и начальник учебного отдела полковник П. Прянишников. Открывая траурный митинг, Нерченко сказал: «Закатилось наше солнышко», – и заплакал. Рядом со мной сидел сын Василия Сталина – Саша. Он несколько месяцев тому назад прибыл в училище под фамилией Васильев. После прибытия у нас установились самые дружеские отношения. Такие, какие обычно бывают между старшими и младшими братьями – я был в выпускном седьмом классе, он в первом. Он часто поджидал меня при выходе из столовой. После траурного собрания Саша вдруг исчез. Видимо кто-то приезжал от Василия Сталина и забрал его в Москву на похороны. Я добирался до Москвы самостоятельно.

Поезда не ходили и мне посоветовали обратиться к руководству военного аэродрома «Мигалово». Получив удостоверение личности, я отправился на аэродром. Начальник «Мигалово» полковник Юспин, узнав, кто я и что прошу, возмутился: «Одного внука отправил, теперь пришел второй». Посадили меня в десантный самолет Ли-2. Летели на очень малой высоте порядка 300 метров. Экипаж дал мне тулуп, поскольку в салоне, где были только металлические сиденья, стоял жуткий холод. Сели в Москве на аэродроме «Быково». Домой доставили меня в сопровождении офицера. Мой дядя – муж сестры мамы Виктор Васильевич Рахманов в то время работал в КГБ в чине полковника. Используя свое удостоверение и мой отпускной билет из суворовского училища, он провел меня через все кордоны прямо в Колонный зал Дома Союзов, где для прощания лежал И.В. Сталин. Таким образом, я увидел второй раз своего деда, но уже в гробу.

Дядя Вася и дядя Виктор

28 марта через три недели после похорон арестовали Василия Сталина: «за антисоветскую агитацию, пропаганду и злоупотребление служебным положением». Затем его осудили на 8 лет тюремного заключения и отправили во Владимирский централ. Об аресте Василия я узнал по приезду в Москву после окончания Суворовского военного училища и с каким-то злорадством воспринял эту новость. Дело в том, что во мне все еще кипела обида за мартовские мытарства. Во-первых, он забрал из училища только своего сына, а сына своего брата бросил. Мне пришлось самому пробираться в закрытый город и, как потом оказалось, к гробу. Встала проблема – как теперь попасть в Колонный зал. Что творилось в Москве даже представить себе трудно. Мама предложила все-таки поехать к Василию.

В особняке на Гоголевском бульваре сначала уточнили, кто хочет видеть хозяина, затем провели на второй этаж в «детскую», где я с радостью увидел своего брата-суворовца Сашу и его младшую сестренку Надюшу. Целых три часа просидели мы в этой крохотной комнатке, но хозяин так и не появился. Волновались все трое. «На разведку» иногда выходил Саша, но каждый раз, возвращаясь, он как бы извиняясь, сочувственно говорил: «Пока не приехал». В обед нас пригласили спуститься в столовую. Мне запомнился очень вкусный рассольник с почками. В кинозале показали фрагменты со Сталиным, после чего нас вновь отправили в «детскую». После очередной разведки Саша вернулся со словами: «Отец уехал». Я понял, что все это время Василий находился в доме, но не захотел меня видеть.

Дядя Виктор предложил самостоятельно преодолеть кордоны, что мы и сделали. У входа в Колонный зал нас поставили в общую очередь. У гроба, чуть в стороне, мой дядя заметил стулья и несколько сидящих людей. Я ничего не замечал кроме лица Сталина. «Не хочешь, – спросил тихо дядя Виктор, – туда... к ним?» «Нет», – ответил я, и мы покинули зал. После ареста Василия дети стали жить с мамой Галиной Бурдонской у ее матери Анастасии Терентьевны. Иногда они приезжали к нам на 2-ю Песчаную «поболтать». Галина Александровна Василия называла Васькой, а Саша мою тетю Веру Павловну – тетечкой Верочкой. Иногда забегала Надя поделиться секретами. За разговором с подругой я сфотографировал ее (смотри фото). Вскоре Галина Александровна получила двухкомнатную квартиру на Новослободской. Саша навещал отца и однажды привез для меня его подарок – изготовленный им на токарном станке значок. Смысл подарка Саша не сказал. Мне он напоминает розочку на Бахчисарайском фонтане, откуда вытекает вода, а затем по капле падает в сосуды. За звуки этих капель А.С.Пушкин это сооружение назвал «Фонтаном печали». Что хотел сказать Василий этим значком, Саша не знал. Такой же значок он закрепил на отвороте своего пиджака. Свой я храню в коробке с документами (смотри фото).

Персональная пенсия

В декабре 1953 года маму вызвали в Совет Министров и вручили ей распоряжение Совета Министров СССР от 14 ноября 1953 года: «Назначить с 1 ноября 1953 года внуку И.В. Сталина – Джугашвили Евгению Яковлевичу, 1936 года рождения, персональную пенсию в размере 1000 рублей в месяц до окончания им высшего учебного заведения. Председатель Совета Министров Союза ССР Г. Маленков». Насколько мне было известно, такую же пенсию назначили и другим внукам. Пенсию получала мама. После ее кончины в 1957 году книжку оформили на меня.

Суворовский период закончился 21 июня 1954 года получением Аттестата об окончании Калининского Суворовского военного училища. Оценки в основном были «хорошо», «отлично» – только пять. Троек не было. Выпускал наш курс новый начальник училища генерал-майор И. Долгов. Первое время мы, суворовцы, собирались в ресторанах, пели песни о Сталине. Особенно любили мы «Марш артиллеристов», где был припев: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...». Однако в годы хрущевской «оттепели» среди нас, воспитанников суворовских училищ, появились «умники», которые быстро перестроились и, позабыв свое сиротское начало, тоже стали кидать камни в своего спасителя.

Путевка в Грузию

В первый раз в Грузию я поехал «дикарем» в 1955 году. Такую вольность мне позволила мама (а что ей оставалось делать), поскольку я был уже слушателем первого курса Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского. В академию я был принят без вступительных экзаменов. Маме сказали, что на ее обращение по поводу моего дальнейшего образования Министр обороны Н.А. Булганин написал: «Приветствую первого внука Сталина, который хочет учиться».

Поездом доехал я до самого Батуми. Встретил меня знакомый по Москве тоже студент Эднан Чичинадзе. Об этом эпизоде жизни в Батуми я скажу в разделе «Аджария». А вот в 1956 году мама достала путевку в санаторий имени Челюскинцев в город Гагра.

Санаторий находился на берегу моря. Приехал, а места в санатории не оказалось. Разместили в кабинете Главврача, который позвонил в райком партии: «Приехал какой-то Джугашвили, живет в моем кабинете на диване». Нагрянувшие люди прямо в кабинете устроили допрос: кто я и откуда, почему не предупредили о приезде. Перевели в номер, а в столовой посадили за другой стол к грузинам.

Я все время «пропадал» на пляже. Иногда ездил в городской парк. Но особенно запомнилась экскурсия наzero Рида. Дело в том, что в санатории отдыхала группа артистов Театра оперы и балета имени Захария Палиашвили из Тбилиси. Среди них была ведущая солистка Медея Амиранашвили. Ее муж Отари организовал поездку на озеро Ридца на грузовой машине. На базаре они закупили все необходимое и пригласили меня «прокатиться с ветерком».

Медею посадили в кабину, а мы, человек шесть, забрались в кузов. Вот так, стоя и держась за кабину, мы лихо доехали. На фоне озера разожгли костер и приготовили шашлыки. Пили вино, пели песни, фотографировались, вернулись поздно ночью.

Деловые встречи, или «Кто ты, Евгений Джугашвили?»

Примерно через неделю меня повезли поужинать с партийными работниками из Тбилиси, они отдыхали в правительственных дачах. Потом я узнал, это были: начальник КГБ Гру-

зии А.Н. Инаури, министр сельского хозяйства Ш.И. Чануквадзе, второй секретарь города Гори Р. А. Бзишвили, директор Института переливания крови Ш.В. Эгнаташвили и другие товарищи, которых я не запомнил. Тамадой избрали Ш.И. Чануквадзе. Входе застолья их интересовало: от какого я сына, где живу в Москве, где учусь, что я знаю о судьбе Василия, сколько у него детей и у Светланы, общался ли со Сталиным и т. д. Отвечал то, что знал, а о Сталине сказал, что видел его только на параде как участник в батальоне Калининского Суворовского военного училища.

После ужина или скорее после перекрестного допроса уважаемые чиновники оставили меня в покое. Но, забегая вперед, скажу, что эта встреча определила дальнейшее мое пребывание в Грузии.

В санатории познакомили меня с человеком, который воспринял смерть Сталина как личное горе настолько сильно, что был, как бы, не в себе. Ко всему был равнодушен. Врачи попросили меня пообщаться с ним. Они считали, что общение со мной поможет ему. Невероятно, но Наскид Партенович Датуашвили действительно пришел в себя и не отходил от меня. Он тоже «воспитывал», рассказывая о Кахетии. «Абхазия, – говорил он, – это еще не Грузия. Настоящая Грузия – это Кахетия. Евгений, тебе обязательно надо съездить в Кахетию». В Москву он на каждый Новый год присылал в посылке с десятков палочек чурчелы, твердые сладкие груши, грецкие орехи, чеснок, сохраненный в опилках виноград и бутылку грузинской водки «Чачи». Жена его умерла. Он один воспитывал сына Паату. Окончив школу, Паата приехал с отцом в Тбилиси. Я поддержал желание сына стать военным. Паата сдал вступительные экзамены и поступил в Тбилисское артиллерийское училище. Окончил с отличием. В Афганистане Паата получил генерала. В независимой Грузии был заместителем Министра Обороны Каркарашвили.

В дальнейшем судьба Пааты Датуашвили оказалась трагичной. Его и Каркарашвили направили учиться в Россию в Академию Генерального штаба. При выходе из общежития он был убит, а Каркарашвили тяжело ранен. Хоронили Паату в Тбилиси. Рядом с гробом сидел убитый горем мой старый друг Наскид Партенович. Он рад был увидеть меня. Рядом с гробом, ничего не понимая, играли двое его внуков. Я подумал: «Может быть, зря я помогал Паате стать военным. Стал бы виноделом в своей Кахетии и остался бы жив».

Поездка в г. Гори

Особый интерес ко мне проявил Ш.В. Эгнаташвили. Он предложил мне поехать в Тбилиси – в столицу Грузии. До конца путевки оставалось десять дней. Мне было жаль терять столько драгоценных дней на море, ради которого я приехал. К тому же была образована молодежная кампания из отдыхающих парней и девушек. Однако Шота Васильевич торопил. Принимая решение, я подумал: «А куда это меня несет? С незнакомыми людьми в незнакомую страну, пусть даже родину Сталина». Словом, была не была. К вечеру приехали в Тбилиси, остановились на даче Эгнаташвили в Цхнети (поселок над городом).

Из Тбилиси поехали в Гори к родственникам Эгнаташвили в семью Джабаури и Коринтели. Первый секретарь Гори Зураб Ильич Тавзарашвили предложил мне посмотреть асфальтирование нового моста через железнодорожные пути. Вечером он пригласил на спектакль в Горийский драматический театр. Наша компания разместилась в ложе на балконе. Спектакль шел на грузинском языке. Мне пытались переводить, но постоянные взрывы хохота зала отвлекали переводчика и я попросил бросить эту затею. После зашли к артистам за кулисы. Вначале они пожаловались, что наша компания отнимает у них зрителей – все смотрят на балкон. Затем спросили, понравился ли мне спектакль. «Очень понравился», – с благодарностью ответил я.

Наутро составили план. Отари Коринтели со своими близкими повез меня осматривать уникальный исторический памятник Грузии – древнейшую крепость – город Уплисхихе. Кре-

пость располагалась в 12 км от Гори. Это был пещерный город. Его название дословно переводится «Божья крепость». Город возник в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Уплисцихе выделяется из всех памятников седой старины не только своей древностью и пещерами, высеченными в скале, но и большим тоннелем, пробитым до реки Куры. Правда, выйдя из города-крепости по этому тоннелю, я не обнаружил реки. За минувшие годы река далеко ушла от крепости. Вместе с Отари я побывал в Атенском ущелье. Здесь растет виноград, из которого изготавливают вино «Атенури». На винном заводе мне дали его попробовать на вкус. Оно чем-то напоминало наше «Советское шампанское». Говорят, в свое время возили его и к Сталину. В Москву улетал с невероятными воспоминаниями о пребывании в Грузии, провожал меня на аэродроме Тбилиси Отари Коринтели.

Кто с нетерпением ожидал в Москве моего приезда, так это мама. Первый ее вопрос: «Как тебя приняли?». Мой восторг и рассказы о моих приключениях она слушала с каким-то облегчением. Она поняла, что теперь меня от Грузии не оторвать. Умерла мама от рака в сентябре 1957 года. Меня вызвали с лекции. Поехал в Боткинскую больницу, она еще была жива. У ее постели сидел мой брат Виталий, который приехал из Урюпинска. При нас мама вскоре скончалась. Она прожила всего 48 лет. Похоронили маму на Головинском кладбище, отпевали ее в церкви «Всех Святых» на Соколе.

Встреча с сестрой

В октябре Анна Сергеевна Аллилуева – родная сестра жены Сталина Надежды пригласила меня домой в «Дом правительства» на улице Серафимовича № 2. Расспрашивала о маме, о ее болезни, где ее похоронили. Сказала, что встречалась с мамой, подарила мне книгу своего отца Сергея Яковлевича Аллилуева «Пройденный путь» с надписью:

«14 октября 1957 года, Москва»

Дарю на память Жене Джугашвили, сыну Яши Джугашвили-Сталина, книгу воспоминаний моего отца Сергея Яковлевича Аллилуева «Пройденный путь». Сергей Яковлевич Аллилуев любил Яшу, жил с ним в Петербурге, а также за городом в Зубалове. О его сыне – Жене он знал через Яшу и Эгнаташвили Александра Яковлевича. А также и я, Анна – его дочь, знала о Жене через Урюпинских родственников Аллилуевых: Матрену Федоровну Аллилуеву, Августу Михайловну Дутову-Аллилуеву, Майю – ее дочь и Ирину – дочь Серафима Аллилуева. Через Васиных детей – Сашу и Надю.

В данный момент я познакомилась с ним по печальной причине, по случаю смерти его матери, с которой я виделась при жизни несколько раз. Скорблю ее безвременной смерти. С соболезнованием к ее сыну Жене. Яша также говорил, что у него есть сын в городе Урюпинске. Желая ему удачи в жизни, счастливой благородной деятельности, а также хорошей семейной жизни, чего, к сожалению, не имела его мать. Анна. 14.X.1957 г.»

Сама Анна Сергеевна прожила еще семь лет. Умерла она в загородной Кремлевской больнице в августе 1964 года. Гроб для прощания выставили в красном уголке «Дома правительства». Я пришел вместе с Сашей. Собралось не более 15–20 человек. Мы с Сашей постояли у гроба в почетном карауле. Затем меня позвала Светлана Иосифовна, она сидела на стуле среди близких. Рядом с ней находилась, как я догадался, Галина. «Вот, Женя, познакомься, – сказала Светлана, показывая на свою соседку, – это твоя сестра». Галина отвернулась. Я вспомнил поговорку начальника учебного отдела в училище П.П. Прянишникова: «Не протягивай губы, когда тебя не целуют». Я тоже повернулся и отошел в сторону. Стоя в толпе, я затылком почувствовал, что кто-то сзади сверлит меня глазами. Обернулся. Точно. Прямо за моей спи-

ной стояла мать Галины Юлия Исааковна Мельцер. Мне показалось, что ей не терпелось меня задушить. Но поздно. Душить меня надо было раньше, в Урюпинске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.